

Mikhail A. Tarakanov — Ph.D. in Economics, Senior Researcher, Department of Regional Social and Economic Problems of the SB RAS IRSC, 134, Lermontov str., 664043, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: Muxaltar@mail.ru.

Alexander P. Chernikov — Doctor habil. (Economics), Professor, Department of Informatics and Cybernetics, Baikal State University, 11, Lenin str., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: chernap@yandex.ru.

УДК 94(571.53)
ББК 63.3(253.7)

Ю.А. ЗУЛЯР

ИСТОКИ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ИРКУТСКЕ (КОНЕЦ XVII — НАЧАЛО XX ВЕКА)

В настоящее время происходит процесс формирования гражданского общества в Иркутской области, и, прежде всего, в Иркутске. Точкой отсчета является начало XIX в. Важнейшей его составляющей было обеспечение грамотности населения, повышение его культуры и формирование сети образовательных учреждений. Второй — организация и развитие местного самоуправления. Третьей — гражданское просвещение населения, осуществляемое политическими ссыльными. Четвертой — формирование соответствующей правовой культуры иркутян, организуемое администрацией региона. Принципиальную роль сыграли общественные организации, в том числе, политические партии; общественные научно-исследовательские структуры; и борьба общественности за открытие университета и его работа.

Ключевые слова: гражданское общество, Иркутск, ссыльные, Географическое общество, Иркутский государственный университет.

YU.A. ZULYAR

THE ORIGINS AND FEATURES OF FORMATION CIVIL SOCIETY IN IRKUTSK (END OF XVII — BEGINNING OF XX CENTURY)

Currently in the process of formation of civil society in the Irkutsk region, and, first of all, in Irkutsk. The starting point is the beginning of the nineteenth century its most important component was the provision of literacy of the population, increase of its culture and building a network of educational institutions. The second is the organization and development of local self-government. The third civic education carried out by political exiles. Fourth — the formation of a corresponding legal culture of Irkutsk, organized by the regional administration. The fundamental role played by public organizations, including political parties; public research institution; and the public struggle for the open University and his work.

Keywords: civil society, Irkutsk, exiles, Geographical society, Irkutsk state University.

Говорить о гражданском обществе, как о политической реальности, можно лишь с момента появления гражданина, осознающего себя таковым, индивидуального члена общества, наделенного комплексом прав и свобод и социально ответственного за свои действия.

В качестве основополагающего условия существования, как гражданского общества, так и правового государства выступает личность. Она утверждается на признании права индивидуальной, личной свободы. Следовательно, гражданское общество обеспечивает права человека, а государство — права гражданина. В обоих случаях речь идет о правах личности: в первом — о ее правах индивида на жизнь, свободу и т.д.; а во втором — о ее политических правах.

Вместе с тем, многие исследователи упускают из виду, что гражданское общество, как поток общественного сознания и социальный институт может существовать только при наличии двух уравнивающих систем власти: капитализма и государства. При отсутствии равносильного государственному аппарату буржуазного класса, такое общество не сможет даже возникнуть.

Под гражданским обществом автор, прежде всего, понимает систему элементов, а не их совокупность. Такая совокупность существует и в авторитарных политических системах, и в частности, функционировала в СССР.

Современное российское общество, также по сути квазигражданское, его структуры и институты, обладая многими формальными признаками образований гражданского общества, зачастую выполняют противоположные функции или лишь декларируют их.

Для современной России актуальны противоречия между формой, содержанием и процессом функционирования государства. К форме правового государства можно отнести наличие демократического права и агентов власти и нарождающихся носителей гражданских отношений. Содержанием правового государства выступает рыночное пространство, демократические идеалы и управление социумом посредством правовых механизмов. Процесс представляет собой деятельность формы по реализации содержания.

В России за 25 прошедших лет появились формальные предпосылки для движения к правовому государству. К ним относятся элементы демократического политического пространства, идеология части правящего класса, усилия по демократизации политической науки, гласность, свобода слова, совести, печати, собраний и т.д. Допустимо констатировать возникновение содержательных предпосылок правового государства в виде института частной собственности и элементов рыночных отношений. В то же время содержательные основания недостаточны для упрочения правовых отношений [7, с. 257].

Государство (правящий класс) не заинтересовано в сильном гражданском обществе — ибо оно ему конкурент. Гражданским общество

становится в длительной борьбе за права граждан с правящим классом, а, возникнув вынуждено постоянно доказывать свое право на участие в управлении страной. Поэтому исследование проблемы гражданского общества в Иркутске необходимо начать с исторического анализа, хотя бы самого поверхностного.

Гражданское общество — это, прежде всего, образованное и организованное сообщество. Оно состоит из граждан, организаций, учреждений и межсубъектных коммуникаций. В XVIII в. в Иркутске было положено начало региональному образованию, науке, библиотечному, музейному и театральному делу. Процесс осуществлялся на базе учебных заведений и учреждений культуры: первой в Восточной Сибири школы при Вознесенском монастыре (1725), «навигацкой» школы (1754), духовной семинарии (1780), первой городской школы (1781), училища «для детей всех сословий» (1782), главного народного училища (1789), врачебной управы (1797) и аптеки (1799).

В начале XIX в. в Иркутске было пять учебных заведений (Духовная семинария, навигацкое, японское, гражданское и гарнизонное училища). Но потребность в образовании остро ощущало только просвещенное общество. В 1805 г. Главное народное училище было преобразовано в гимназию, но это не изменило ситуации: в 1823 г. ее закончили всего три человека. Только к 1840-м гг. у иркутян сформировалось доверие к качеству получаемого в гимназии образования [14, с. 83].

Книга, как символ образованности всегда высоко ценилась и копилась в Иркутске. Вначале их везли деятели православной церкви. Они создавали первые библиотеки при церквях, монастырях и церковных школах, купцы торговали ими, как солью, гвоздями, мылом, в тех же торговых рядах; крупные купцы-меценаты провозили книги как роскошь и создавали первые домашние библиотеки; наконец, везли их в Сибирь политические ссыльные как необходимое средство борьбы, как постоянный спутник культурного человека, борца за прогресс и просвещение широких масс.

Давней традицией иркутян является не только чтение, но и издание книг. Первая книга была изготовлена в 1807 г., а во второй половине века в городе развернулась бурная издательская деятельность. Увеличение количества грамотных, а значит и читающих вызвало потребность и моду на библиотеки, которые почти сразу стали формироваться как клубы.

В 1780–1782 гг. иркутяне выстроили двухэтажное здание для музея и библиотеки. Этому событию придавалось большое значение не только в Иркутске, но в центре. По распоряжению Екатерины II библиотеке было отпущено 3 тыс. р. Это была первая публичная библиотека в Сибири. Открытием публичной библиотеки Иркутск опередил не только провинции, но и центр России. Лишь в 1830 г. президент вольно-экономического

общества адмирал Мордвинов выступил с планом устройства в России библиотек.

В Иркутске с начала XIX в. домашняя библиотека стала признаком культуры, купцы, чиновники и мещане выписывали много книг. В 1818 г. они организовали Компанию для выписки периодических изданий и книг, ее члены систематически собирались для обсуждения прочитанного. С 1839 г. возникают частные публичные библиотеки. Почин положили купцы Болдаков и Попов. В 1858 г. открылась частная библиотека для чтения Протопопова, вскоре перешедшая Шестунову, а через год — к купцу Простереву. Библиотека Шестунова являлась клубом, и центром демократических, оппозиционных элементов в Иркутске. После ее закрытия в 1862 г., ее в этом качестве заменила библиотека В.И. Вагина и М.П. Шестунова (1862–1866). Чтобы ослабить ее влияние в 1861 г. открылась городская бесплатная публичная библиотека, поддержанная генерал-губернатором Муравьевым-Амурским.

Появлялись и другие центры интеллектуального общения. В 1855 г. в салоне Е.П. Ротчевой встречались и дискутировали И.Д. Якушкин, М.В. Петрашевский, Н.А. Спешнев и иркутская молодежь. Популярной и богатой в Иркутске была библиотека и читальня общества приказчиков (1884–1908). Во времена генерал-губернаторства Н.Н. Муравьева-Амурского иркутяне имели свежие газеты и журналы, и возможность легально читать «Колокол» [14, с. 84].

Характерной особенностью второй половины XIX в. стало бурное развитие газетного дела. Интерес к печатному слову среди иркутян стал показателем зарождающегося общественного движения. Появились газеты «Иркутские губернские ведомости» (1857), «Амур» (1860), «Сибирский вестник» (1864), «Сибирь» (1873), «Восточное обозрение» (1888).

С иркутскими газетами связаны имена известных публицистов и общественных деятелей А.П. Щапова, М.В. Загоскина, В.И. Вагина, Н.М. Ядринцева, М.В. Буташевича-Петрашевского, М.И. Шестунова, М.А. Бакунина, Ф.Н. Львова. Их сообщения о злоупотреблении властью привлекали читателей. Эти процессы вызвали репрессивную реакцию власти: обыски, изъятие материалов, приостановка издания, арест редакторов и корреспондентов, открытие уголовного дела по обвинению в государственном преступлении

Сибирские редакторы мужественно сражались за свободу слова, приобщали читателей к борьбе за законность, права и свободы человека. Первые сибирские публицисты создали демократическую журналистскую школу, способствуя укреплению гражданских традиций в обществе [14, с. 83].

Во второй половине XIX в. в Иркутске появились общественные организации, в том числе, научные. Важнейший из них — Сибирский отдел Императорского русского географического общества, учрежденный

17 ноября 1851 г. губернатором Н.Н. Муравьевым. Географическое общество по определению было государственно-общественным, однако в отличие от последующего периода, государство не вмешивалось во внутреннюю жизнь общества, а лишь контролировало целевое использование выделяемых средств.

Дореволюционный период существования ВСОРОГО значим широким размахом научно-исследовательских работ в области естественных и социальных наук, формированием мощной сибирской исследовательской школы [5].

Важной организацией являлось Общество врачей Восточной Сибири, организованное в Иркутске в 1858 г. В августе 1868 г. образован Восточно-Сибирский отдел Русского технического общества, объединивший в своих рядах инженеров, техников, ремесленников, купцов, интересующихся техникой и развитием края людей. Значительным по численности объединением было общество статистиков, объединившее тех, кто изучал статистику и любознательных нуждавшихся в общении и обсуждении животрепещущих вопросов жизни. Образовывались объединения и по другим направлениям, так, в 1867 г. в Иркутске состоялся первый педагогический съезд Восточной Сибири.

Самоорганизация иркутских граждан шла и через создание обществ культурно-благотворительной направленности. Например, 1879 г. после большого иркутского пожара было создано добровольное Общество помощи погорельцам. Энтузиасты работали в тесном контакте с администрацией, и это было одно из первых совместных действий власти и добровольцев. В Иркутске, как и во многих крупных городах империи, нелегально действовало Общество Красного креста, цель которого была оказание помощи политссыльным. Одним из его центров была Михеевская больница [14, с. 85].

В Иркутске в начале XIX в. действовала масонская ложа, возглавляемая французским эмигрантом Леруа, в состав ее входили французские эмигранты и ссыльные поляки. В Иркутске были также просветительно-благотворительные общества, близкие к масонским «Друзья свободы», «Свечеч разума» и др. [17, стб. 330]. Также существовал филиал томской масонской ложи, созданной Г.С. Батеньковым. Ее члены оказывали помощь декабристам.

П.А. Кропоткин писал, что чем дальше он живет, тем более убеждается в том, что Иркутск далеко ушел от русских губерний, множеством отдельных кружков, которые живут так, как им нравится. Они очень разнообразны, начиная от картежного и кончая высшими вполне либеральными [12, с. 75].

В Иркутске культурные новшества распространялись во многом благодаря чиновникам, в первую очередь генерал-губернаторам и близким к ним лицам. Наибольшая культурная и общественная актив-

ность чиновников практически во всех сферах культуры совпали с периодом, когда их уровень образования и другие социокультурные показатели были достаточно высоки — это 60-е — начало 70-х гг. XIX в.

Ссылные в Иркутской губернии появились в начале правления династии Романовых. Сюда в 1618–1619 гг. были сосланы 22 русских, оказавшихся в плену у литовцев, в 1634 г. — 14 шляхтичей, через год 140 «иноземцев». Здесь за бунт оказались астраханские стрельцы, а в 1711 г. — пленные шведы.

В 1791 г. в Иркутске находился первый официальный политссылный — писатель А.Н. Радищев. В 1799 г. в Иркутске за р. Ушаковкой был основан ремесленный дом и суконная мануфактура, где работало до 365 ссылных.

Однако в общественном сознании иркутян начало политической ссылки в регион связано с восстанием 1825 г. Первые декабристы прибыли в Иркутск в 1826 г. До 1845 г. большинство из них бывали в Иркутске лишь наездами. Только с выходом их на поселение, начались тесные контакты с иркутянами. Одновременное появление в небольшом и разнокалиберном обществе двадцатитысячного городка пятнадцати или двадцати высокообразованных личностей оставило глубокий след. Иркутск хранит благодарную память о «первенцах свободы», не по своей воле ставших земляками, но без обид и снобизма деливших с окружающими своими знаниями и теплотой души.

Заложенные декабристами традиции равнодушия к социальным проблемам и включенности в жизнь местного общества были продолжены следующими поколениями ссылных. Но на новом этапе исторического развития России эта включенность стала принимать не только нравственно-культурный, но, в значительной мере, и политический характер.

Участники петербургского социалистического кружка (петрашевцы), были в 1849 г. сосланы на Нерчинскую каторгу. После амнистии 1856 г. с помощью г-губернатора Муравьева троим из них — М.В. Буташевичу-Петрашевскому, Н.А. Спешневу и Ф.Н. Львову — разрешили остаться в Иркутске.

Во многом благодаря им в Иркутске появилась первая в Восточной Сибири печатная газета. В марте 1857 г. редактором «Иркутских губернских ведомостей» назначен Спешнев, и уже в мае вышел первый номер. Участвовали в этом издании и его товарищи, и декабристы, оставшиеся в Сибири, и представители сибирской демократической интеллигенции — М.В. Загоскин, В.И. Вагин, С.С. Шашков и др. В ней публиковались фельетоны и критические статьи о злоупотреблениях в различных ведомствах, что заставило власти обратить внимание на произвол и беззаконие чиновников и уволить некоторых из них [4, с. 184].

Обличительная направленность газеты не могла сохраняться долго. Цензура запретила печатать обличительные статьи. Передовым со-

трудникам пришлось уйти из газеты, а Спешневу уехать из Иркутска. Его соратники основали новую газету «Амур», просуществовавшую в 1861–1862 г. Газета с первых номеров так же имела обличительное направление.

Большое влияние на иркутское общество оказали народники. Активно участвовали в общероссийском народническом движении и сибиряки И.А. Худяков, Т.А. и А.А. Квятковские и др. Вышедшие на поселение народники создали колонию в Иркутске. Они активно взаимодействовали с сибирскими областниками. В 1881 г. в Иркутске учитель гимназии К.Г. Неустров организовал народовольческий кружок. С помощью Красного Креста «Народной воли», его члены: гимназисты и семинаристы поддерживали связь с заключенными, собирали деньги для ссыльных, готовили их побегу. На рубеже 1880-1890-х гг. возник кружок во главе с Н.М. Астыревым [13, с. 412].

В марте 1859 г. в Иркутск из Томска был переведен М.А. Бакунин, высланный в Сибирь после семилетнего заключения в крепости. Он предпринял практические действия по созданию нелегальной революционной организации. В 1857–1860 г. он ориентировался на молодую демократическую общественность. Однако его планы были сорваны купеческой общественностью и отдельными представителями политссылки, увлеченными реформаторскими надеждами. Неудача вынудил Бакунина бежать за границу.

В июне 1864 г. по пути на каторгу в Иркутске останавливался Н.Г. Чернышевский. О нем знали многие иркутяне, так как возглавляемый им журнал «Современник» пользовался у них большой популярностью.

В том же 1864 г. за свою речь на панихиде в Иркутск сослали А.П. Шапова, но в июле 1865 г., его привлекли к делу «областников». Омское следствие выявило непричастность Шапова к планам «сибирских сепаратистов», но он остался под надзором, и даже заступничество его земляка Пресвященного Иннокентия (Вениаминова) не убедило сибирское начальство.

Шапов одним из первых поставил вопрос о необходимости открытия в Сибири университета, написав статью «Какие факультеты необходимы в Сибирском университете?». Эта идея стала основной для значительной части иркутской интеллигенции на многие годы. 27 февраля 1876 г., после серьезной болезни, он скончался и был погребен в Иркутске [11, с. 215].

По мере углубления кризиса народничества наиболее активные, не желающие мириться с происходящим его представители стали искать другие формы борьбы. Некоторые из них основали новые организации и партии. Оказавшись в ссылке, они старались привлечь на свою сторону старых ссыльных, не всегда понимавших суть произошедших перемен.

Масштабное влияние на иркутское общество оказали польские ссыльные — участники восстания 1863–1864 гг. Большинство ссыльных

этого периода были дворянами и лишь небольшую часть составляли солдаты из крестьян. По разным источникам, в Сибирь за три года было отправлено от 18 до 22 тыс. польских повстанцев. В Иркутской губернии в 1871–1872 гг. содержалось 2778 польских ссыльных; в том числе в Иркутске — не менее 150 человек.

В 1885–1887 гг. в Сибирь, в том числе в Иркутскую губернию, были высланы работники польского «Пролетариата». Среди них: М. Войнич, Г. Дулемба, Ф. Кон, Ф. Люри, Ф. Рехневский [9].

Трудно переоценить вклад ссыльных в иркутскую культуру, хозяйственную и научную жизнь. Они работали в училищах, школах, научных и технических обществах, в канцелярии генерал-губернатора, имея возможность влиять на общественные вкусы и общественное мнение. В первых газетах — «Иркутские ведомости» и «Амур» заправляли знаменитый Петрашевский и его единомышленники Львов, Загоскин и Шашков. Политический ссыльный И. Попов долгие годы редактировал выходящие в Иркутске газету «Восточное обозрение» и журнал «Сибирский сборник». Влияние ссыльных было столь сильным, что казалось, будто не они, считавшиеся преступниками, а местное общество отдано было им на исправление и воспитание, более того, декабристы преподавали в доме самого генерал-губернатора.

С. Максимов, автор исследования «Сибирь и каторга», отмечал, что при помощи и участии чужих людей среди сибиряков, и, прежде всего, в Иркутске, народилась, стала возрастать и крепнуть та могущественная сила, которая называется общественным мнением, до той поры не существовавшим и не имевшим места в Сибири — стране изумительного произвола начальников [10].

Отношение к ссыльной интеллигенции высшего чиновничества Иркутской губернии на пороге нового века было доброжелательным, что связано с единством многих либеральных позиций, общими знакомыми по Петербургу и Москве, а нередко близкими и дальними родственными связями [9].

Дальнейшее развитие революционного движения в стране привело к увеличению числа и расширению социального состава политических ссыльных, но все же большинство составляли пока представители интеллигенции.

Второй этап революционного движения привел в Сибирь еще одну категорию политических ссыльных — женщин. До 1870-х гг. XIX в. они приезжали сюда за своими мужьями или родственниками, деля с ними трудности и невзгоды, иногда даже не соглашаясь с их взглядами. Теперь женщины наравне с мужчинами несли тяжесть наказания за свои собственные убеждения и дела. Так же, как и их товарищи-мужчины, они обладали профессиональными знаниями, участвовали в общественных делах, вступали в дискуссии по самым разным вопросам, не уступая, а

порой и побеждая в этих спорах. Они давали иркутянкам пример новых отношений и новых возможностей. В XIX в. Восточная Сибирь — основное место политссылки. По некоторым данным, на двух коренных сибиряков приходился один ссыльный.

Во второй половине 1890-х гг. ссылка в основе своей становится пролетарской, демократической. Ее начало положил петербургский студент Л.Б. Красин, приговоренный за участие в марксистском кружке к трехлетней ссылке. Он принимал участие в дискуссиях ссыльных и пропагандировал марксистские взгляды через газету, напечатав в трех номерах «Восточного обозрения» статью «Судьба капитализма в Сибири». Красин, по выражению И.И. Попова, был первой ласточкой социал-демократической весны в Иркутске, но уже в конце 1890-х гг. количество ссыльных резко возросло за счет молодых социал-демократов и социалистов-революционеров.

В этот же период сюда были этапированы представители первых рабочих «Союзов...» и марксистских кружков. После разгрома «Петербургского Союза борьбы» в Восточную Сибирь попало около 30 его организаторов [9].

Накануне XX в. местное радикально-демократическое движение приобрело в виде политссыльных профессиональных пропагандистов и партийных организаторов. Они заметно ускорили процесс усвоения учащейся молодежью и рабочими Иркутска идей русского марксизма.

Наступал новый этап революционного движения, менявший среду политической ссылки. Если прежде ссыльные, тесно соприкасаясь с сибирским обществом, не сливались с сибиряками полностью и составляли особую категорию, выступая совместно, то в XX в. они и в ссылке не прекращали идейной борьбы, и объединялись лишь для защиты своих прав от произвола властей. Большинство ссыльных по прибытию к месту поселения активно включались в работу политически близких местных организаций или создавали новые, в основном из местных жителей. Их деятельность становится неотъемлемой частью сибирского общественного и революционного движения.

К концу века в пределах Иркутской губернии находилось около 200 представителей «новой волны» — активных участников рабочих протестов, организаторов студенческих выступлений, членов нелегальных кружков и групп. В начале XX в. через Иркутск проходило до 20 тыс. ссыльных в год. В первом десятилетии XX в. отношение сибирского высшего чиновничества к политическим ссыльным изменилось, именно из-за ее пролетаризации.

После революции 1905 г. главной фигурой политической ссылки стал рабочий (43,8 %), и служащий (24,3 %). Большинство рабочих были представителями крупных фабрично-заводских предприятий, горняки и железнодорожники Украины, Прибалтики, Москвы, Петербурга, Урала.

Иркутское пролетарское движение имело в лице политической ссылки своеобразный резерв кадровых рабочих, прошедших школу классовой борьбы в Европейской России.

После Февральской революции многие ссылки в Иркутск и в ожидании возможностей отъезда в Европейскую Россию активно включались в работу местных организаций и новых органов власти, разъясняя суть происходящих событий на митингах и собраниях. К апрелю 1917 г. большинство ссыльных выехали из Сибири и приняли участие в революционных событиях в Петрограде и Москве. Оставшиеся же (В.В. Рябиков, Ф.Н. Петров, Н.А. Гаврилов, Я.Б. Шумяцкий, Я.Д. Янсон и др.) стали организаторами советской власти в Иркутске, участниками Гражданской войны [9].

Говорить о формировании гражданского общества в стране и в Иркутске, в частности, некорректно без анализа процесса формирования буржуазии, как класса, то есть как социальной группы, осознавшей свои политические интересы, и готовой влиять на политический процесс.

В Иркутске рано сложился слой предприимчивых торгово-промышленных людей. С осени 1684 г. к стенам острога пошли караваны из Бухары. Роль Иркутска заметно возросла после освоения нового пути в Китай. С 1703 г. из Иркутска пошли казенные караваны в Пекин, превратив его в центр караванной торговли. В XVIII в. Иркутск становится признанным центром пушной торговли, привлекая сюда многочисленные капиталы из городов русского Севера. В 1768 г. была учреждена Иркутская ярмарка, объемы торговли которой в конце столетия достигли почти 4 млн р., что составляло до 6 % общероссийского оборота [20, с. 144].

В Иркутске развивались практически все ремесла, известные в России. Город стал главным транспортным узлом и торговым центром Восточной Сибири — в 1760 г. к нему была подведена Московская столбовая дорога. С 1844 г. он был центром пароходства по Ангаре, а в 1898 г. через город прошел поезд Транссибирской магистрали. Торговые пути связывали Иркутск с Камчаткой, Чукоткой, Якутией, Монголией и Китаем.

С 1768 г. в городе стали проходить ежегодные ярмарки. По таможенным доходам Иркутская таможня занимала пятое место по стране. В 1779 г. в городе была открыта первая банковская контора, в 1836 г. — первый частный банк. В октябре 1861 г. в Иркутск из Кяхты перенесли таможню. В 1864 г. в Иркутске открылась первая сибирская товарная биржа. В 1864 г. к нему была подведена телеграфная линия, а в 1880-х гг. налажена телефонная связь.

Во второй половине XVIII в. иркутские промышленные и купеческие компании — Голикова, Трапезникова, Бечевина, Сибирякова вслед за исследователями стали заниматься промышленным освоением Алеутских островов, а затем и Аляски. В 1799 г. купеческие компании объединились в Российско-Американскую компанию, контора которой была открыта в Иркутске.

С 1840-х гг., после открытия богатых месторождений золота в Лено-Витимском районе, Иркутск стал крупным центром золотодобывающей промышленности. В город стали стекаться большие деньги, нажитые местными промышленниками. В итоге в Иркутске сформировалось самое активное, предприимчивое и образованное в Сибири купеческое сословие.

Экономические ресурсы и высокий уровень иркутской буржуазии способствовали формированию у нее политических амбиций. «Жалованная грамота городам» 1785 г. усложнила сословное деление горожан и систему городского самоуправления, но сделала его более демократичной. Официально все домовладельцы получили статус горожан, в том числе и из неподатных сословий. Аппарат городского самоуправления трансформировался за счет новых органов: «собрания общества градского», общей городской думы и шестигласной думы. Собрания, или сходы, созывались раз в три года для проведения выборов на основные должности общегородского управления. В соответствии с грамотой 1 января 1787 г. в Иркутске наряду с магистратурой и ратушей была избрана городская дума, управлявшая общественными делами [21, с. 61].

С самого начала городское самоуправление заняло жесткую позицию борьбы с разветвленной и изощренной системой злоупотреблений со стороны чиновников. В борьбе с разбойничьими поборами и их несправедливостью, иркутское купечество поддерживалось духовенством. В городе сложился союз двух социальных групп в борьбе со всемогущей третьей, то есть социально-политическая система, позволявшая в отличие от большинства городов Империи, сформировать реальное местное самоуправление. Иркутские купцы, находясь в постоянной вражде с чиновниками, нуждались в интеллектуальной и культурной поддержке, поэтому общались и с декабристами, и со ссыльными поляками, открыто водили с ними дружбу и отдавали им своих детей в обучение, почитая это честью не для опальных, а для себя.

Вместе с тем, не стоит идеализировать иркутского купца, он, страдающий от воеводского произвола, не спешил создавать справедливый и устойчивый порядок. Господствуя в думе и магистрате, богатое и сильное иркутское купечество заправляло всеми общественными и городскими делами исключительно в своих интересах. И первой его программой стала монополизация рынка, с чем и боролся Н.Н. Муравьев.

Малочисленное дворянство, в большинстве своем связанное с Сибирью лишь служебной деятельностью, не играло заметной роли в иркутском городском обществе. Оно поневоле искало сближения с верхушкой купечества, создавая некий «высший свет». Частое общение между чиновниками и купцами создавали благоприятную атмосферу для развития культурной и творческой жизни Иркутска. Этим он выгодно отличался от других сибирских городов, тем более, от российских, где подобная ситуация была в принципе невозможна.

К революционным преобразованиям Александра II иркутское общество пришло с разными идеологическими платформами. К традиционной для Сибири «бунтарской» идеологии прибавился либерализм. Он был представлен людьми различных сословий. Конечно, они не были едины в своих подходах к изменениям социально-экономической ситуации в Сибири. Иркутские купцы-либералы типа Белоголового и Пестерева ждали от «царя-освободителя» не структурных реформ, а лишь политических уступок. К борьбе против царизма их кружок никогда не стремился, ограничиваясь надеждами на предоставление «сверху» купеческой верхушке монопольного права на управление населением.

Эту позицию иркутских «либералов» не принимали представители другой общественной группировки города — демократы С.С. Шашков и А.П. Шапов. Анализируя политическую программу купеческой общности Иркутска, единомышленники Бакунина подчеркивали, что в основе ее амбициозных заявлений от имени «сибирского народа» лежало не буржуазно-либеральное стремление к юридической законности, политическому равноправию, экономической свободе и т.п., не столько борьба против деспотического произвола царской администрации, сколько своекорыстная жажда безраздельно эксплуатировать народ и природные богатства Сибири.

Природа либерализма иркутской торговой верхушки не была демократической. Шашков и Шапов противопоставляли ей идеологию мещанско-крестьянской радикальной демократии. А.П. Шапов разоблачал сконструированный умеренным областником Вагиным, миф об оппозиционности и прогрессивности так называемой «туземной партии», якобы стремившейся к «свободному общинному самоуправлению». Иркутские «либералы» не выступали против торговых монополий, феодальных откупов, казенных подрядов, ростовщического кабального кредита, неэквивалентного товарообмена с коренным населением и других одиозных элементов казенно-крепостнической системы. Зато практически единодушным было их выступление против администрации Н.Н. Муравьева, предпринявшей ряд действий по ликвидации сословных монопольных привилегий иркутского купечества.

Антимуравьевская кампания, развязанная иркутской купеческой общественностью, отвечала интересам реакционной группировки, сложившейся в Кабинете и ряде министерств. У нее были свои причины ненавидеть прогрессивного руководителя Восточной Сибири. Отставка прогрессивного генерал-губернатора была выгодна только силам реакции. Наряду с другими аналогичными фактами «политическая смерть» выдающегося прогрессивного деятеля России 1850-х гг. Н.Н. Муравьева-Амурского стала сигналом к наступлению крепостнического крыла царской бюрократии на русских демократов, а затем и либералов [3, с. 75].

Метрополия в отношении сибирских регионов проводила колониальную политику, вызывавшую протест у ее населения. Но, родоначальником сибирского сепаратизма считается первый губернатор князь М.П. Гагарин, повешенный в 1721 г. Петром I «как взяточник и разоритель народа». Но историк М. Пыляев заметил, что «в то время Меньшиков, Брюс и Апраксин тоже крали, но их не вешали». На самом деле «до царя дошли слухи о намерении Гагарина сделаться в Сибири независимым от России властителем».

Свой вариант российской модели федерализма (регионализма) выдвинули Н.И. Костомаров и А.П. Щапов. Основу взглядов первого составила идея о наличии у всех народов страны «федеративных начал», дающих основание для создания федерации. Сущность федерализма А.П. Щапова являли местные (областные) особенности великорусского народа, сложившиеся в процессе колонизации новых территорий под воздействием природно-климатических, экономических и этнографических условий. Таким образом, они в 50-60-е гг. XIX в. создали две противоположные модели федеративного устройства России — национальную и территориальную (региональную).

Будущие идеологи сибирского сепаратизма, создатели тайного общества «Независимая Сибирь» — омичи Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев и С. Шашков из Иркутска познакомились в Санкт-Петербурге, будучи студентами. Они требовали от центральной власти Российской Империи: отменить ссылку в сибирские города, создать там обрабатывающую промышленность, развить частное земледелие, открыть университет и предоставить Сибири политическую и экономическую автономию. Придумали название будущей республики — Сибирский союз вольных штатов, а также лозунг «Сибирь — для сибиряков» [18].

В 1863 г. С.С. Попов, С.С. Шашков и Н.М. Ядринцев в рукописных прокламациях «Сибирским патриотам» и «Патриотам Сибири» призвали сибиряков восстать с целью образования сибирской республики, за что заплатились высылкой в Вологодскую и Архангельскую губернии [22, с. 64].

В Сибири оформилось областническое движение как система взглядов части местной интеллигенции (Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, С.С. Шашков, В.И. Вагин, А.В. Адрианов, И.И. Серебренников, Н.Н. Козьмин и др.) на прошлое, настоящее и будущее региона. Областникам принадлежит приоритет в разработке теоретических основ отечественной регионалистики. Они выделяли Сибирь в отдельную область (регион) и планировали создание местного законодательного корпуса и областной думы [16].

Иркутские областники, в отличие от томских предусматривали организацию для каждой из частей региона (Восточной и Западной) отдельных областных дум, и допускали в обозримом будущем создание на пространствах Сибири нескольких десятков автономных областей [15, с. 28].

Через это, председатель СМ С.Ю. Витте в 1906 г. констатировал: «Автономия окраин уже не составляет конечного идеала федералистов; заговорили о провинциальной автономии, то есть о преобразовании России в союз свободных, самоопределяющихся федераций (подобно Америке)» [1, с. 44].

Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. и Городовое положение 1890 г. обязывали городские и сельские общества заниматься народным образованием и здравоохранением, а также социальной защитой. В европейской части России этим занялись земские учреждения. В Сибири земства не было, и эти функции разделили между собой городские думы и культурно-просветительские и благотворительные общества и организации.

В Иркутске выступления против местной власти в различных формах были довольно распространенным явлением и датируются еще XVII в. Наиболее известна первая в Российской империи гражданская демонстрация (1859) против высшей местной администрации, во время похорон убитого на дуэли М. Неклюдова в которой участвовали до 10 тыс. иркутян.

Сибирское общество за XIX в. прошло путь от безразличия к активным протестным действиям, в которых участвовали сначала десятки, а затем и тысячи иркутян. Ряды недовольных расширились, родился гражданский протест, шел процесс рождения и развития гражданского общества. А начало XX в. ознаменовалось развитием революционного движения, что коренным образом изменило соотношение либеральных и демократических элементов в обществе.

С середины XIX в. иркутское общество пыталось открыть университет. Известные ученые и общественные деятели — А.П. Щапов, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, М.В. Загоскин и др. организовали мощную кампанию по его организации в Иркутске. Различные общественные силы поддержали эту идею и были готовы начать сбор средств на создание вуза.

И, в 1888 г. университет был открыт, но в Томске, что иркутские демократы восприняли как поражение и вызов. Возникла иркутская оппозиционность к центральной власти. Университет превратился в главную цель общественности. Был создан специальный орган — Университетская комиссия.

В феврале 1917 г. царское правительство пало, так и не решив этого вопроса. В начале сентября 1917 г. Временное правительство согласилось на открытие университета, но не успело это сделать. Установившаяся в Иркутске советская власть сразу согласилась на открытие университета и предоставила для него здание. В мае 1918 г. в Иркутск поступили директивы от наркома просвещения А.В. Луначарского о создании здесь госуниверситета.

Захват города колчаковцами остановил процесс. Временное сибирское правительство сочло его открытие несвоевременным. Но демократическая общественность Иркутска продолжила борьбу. Тем более, что город был наводнен преподавателями, бежавшими от гражданской войны, разрухи, голода в более сытую Сибирь. Но иркутяне были непоколебимы и вынудили приехать министра образования В.В. Сапожникова. 13 августа 1918 г. с его участием состоялось заседание Городской думы, где он официально объявил об открытии университета и подписал «Положение об Иркутском университете» [2; 19].

Но 200 тыс. р. от Временного сибирского правительства, ранее собранных средств и кредита городской думы (1,5 млн р.) было недостаточно. Надежды на толстосумов, оправдались лишь частично. В конечном счете, университет спасли сибиряки, с весьма скромными возможностями.

27 октября 1918 г. ректор М.М. Рубинштейн, Совет университета и Комитет по устройству университета его торжественно открыли, и на завтра начались учебные занятия на всех факультетах. Возможно, ИГУ единственный в мире университет, открывшийся в годы Гражданской войны и на средства населения. Но, благодаря обстоятельствам, он сформировался в лучших традициях русской высшей школы и пережил с ней все режимы и реорганизации. Это первая большая гражданская победа иркутской общественности.

После открытия университета в губернии образовалось два интеллектуальных центра ВСОРГО и Университет. Первый являлся, прежде всего, естественно-научным, а второй — гуманитарным центром. ВСОРГО оказался единственным отделом РГО за Уралом, который не прекращал своей деятельности во время революции и гражданской войны. В этот период у Отдела открылось как бы второе дыхание, ибо с открытием университета, в его ряды вошли представители вузовской науки. В отдел влились и некоторые молодые иркутяне, получившие высшее образование в столичных университетах и возвратившиеся в Иркутск. Третьим источником пополнения Отдела стала местная творческая молодежь. В Иркутске продолжал работать ряд дореволюционных общественных организаций научно-исследовательского толка [6, с. 360].

Двадцатые годы — это время компромисса между властью и свободной наукой, необходимость которого понимали и те и другие. Продолжался рост общественного научного и исследовательского движения, так, в декабре 1925 г. в Иркутской губернии действовало 11 общественных исследовательских организаций. Общественные научные объединения, через своих членов, активно взаимодействовали с государственными и партийными структурами. Тем более что к этому подталкивала очередная административная перестройка региона, в связи с образованием Восточно-Сибирского края с осени 1930 г. краевыми властями пе-

ред ВСГО была поставлена задача формирования Общества изучения производительных сил Восточно-Сибирского края.

В регионе сложились благоприятные условия для широкого развития науки и массового краеведения. Но, процесс был прекращен в июне 1931 г., когда ОИВС было реорганизовано в массовое краеведческое общество [8, с. 64]. 1920-е гг. — время борьбы иркутского сообщества за сохранение ВСОРГО и Университета. Эта борьба была им проиграна: в конце десятилетия начало меняться или проявляться истинное отношение руководства страны к общественному научному и исследовательскому движению. Прекратилось его централизованное финансирование, ликвидировалась филиальная сеть Географического общества. Университет был закрыт и разобран на институты, которые определили конфигурацию высшего образования в городе на многие десятилетия.

В целом слой вузовской интеллигенции, воспитанный в ИГУ, не исчез, а перенес университетские традиции в другие вузы города. А вместо региональных структур Географического общества власти СССР создали Краеведческое общество, в которое перешли бывшие члены ВСОРГО. Однако новая структура не являлась самостоятельной организацией, и назвать ее элементом гражданского общества, вряд ли уместно.

Синдром «столичности» — один из центральных в иркутской мифологии. Он сформировался за счет многолетней централизующей роли города.

Иркутск выдвинулся среди других сибирских городов не только своей административной и экономической ролью, но и духовным потенциалом. Здесь сформировались самобытная и яркая культурная среда, отличающаяся особым уважением интеллекту и традициям. Отмечая любовь иркутян к прошлому города, известный сибирский ученый и общественный деятель Г.Н. Потанин писал, что «нигде в Сибири обыватель не питает такого уважения к местной старине, как в Иркутске; более, чем какой другой горожанин, иркутянин чтит имена своих общественных деятелей и заботится о реноме своего города».

В истории города присутствовали государственные деятели, много сделавшие для развития края. Имена Ф.Н. Клички, М.М. Сперанского, Н.Н. Муравьева-Амурского, Г.И. Шелихова и митрополита Иннокентия Вениаминова, причисленного к лику российских святых, говорят сами за себя. Во многом благодаря им Иркутск многие годы был реальной столицей Сибири.

Список использованной литературы и источников

1. Витте С. Ю. Перепутье (Записка Николаю II) / С. Ю. Витте // Новое время. — 1994. — № 32.
2. Дело. — Иркутск, 1918. — 16 авг.
3. Должиков В. А. М.А. Бакунин и Сибирь (1857–1861 гг.) / В. А. Должиков; отв. ред. Л. Г. Сухотина. — Новосибирск : Изд-во Новосиб. Ун-та, 1993. — 151 с.

4. Дулов А. В. Петрашевцы в Сибири / А. В. Дулов. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1996. — 299 с.
5. Зуляр Ю. А. О периодизации истории Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (К итогам 160-летней деятельности ВСОРГО) / Ю. А. Зуляр // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». — 2012. — № 1 (2). — С.73–85.
6. Зуляр Ю. А. Очерки истории природопользования в Байкальском регионе в XX веке / Ю. А. Зуляр. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. — 496 с.
7. Зуляр Ю. А. Политология: Базовый курс: учеб. пособие : в 2 т. Т. 1 / Ю. А. Зуляр; Иркут. гос. ун-т. — Иркутск : ГУ НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН, 2008. — 592 с.
8. Зуляр Ю. А. Советская история Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества: время и люди / Ю. А. Зуляр. — Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2001. — 75 с.
9. Иванов А. А. Политическая ссылка и формирование оппозиционного движения в Иркутской губернии в конце XIX — начале XX вв. [Электронный ресурс] / А. А. Иванов. — URL: http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=970.
10. Иркутск с нами [Электронный ресурс] // Распутин В. Иркутск. Бег времени / В. Распутин. — URL: http://irkipedia.ru/content/irkutsk_s_nami_rasputin_v_irkutsk_beg_vremeni.
11. Маджаров А. С. Афанасий Щапов / А. С. Маджаров. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. Изд-во, 1992. — 271 с.
12. Маркин В.А. Неизвестный Кропоткин / В.А. Маркин. — М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — 446 с.
13. Народничество // Историческая энциклопедия Сибири : [в 3 т.] Т. 2 / РАН, Сиб. отд-ние, Ин-т истории ; гл. ред. В. А. Ламин. — Новосибирск : Ист. наследие Сибири, 2009. — 807 с.
14. Подольская Л. Я. Проблемы становления гражданского общества в Сибири XIX века / Л. Я. Подольская // Известия Иркутского государственного университета Серия «История». — 2012. — № 2 (3). — Ч. 1. — С. 80–87.
15. Попов И. И. Проект положения о земских учреждениях в Сибири (доклад Иркутской городской думе) / И. И. Попов. — Иркутск : Тип. И. П. Казанцева, 1905. — 44 с.
16. Потанин Г. Н. Будущее сибирской областной тенденции / Г. Н. Потанин // Сиб. жизнь. — 1907. — 6 июля.
17. Сибирская советская энциклопедия : в 4-х т. — Т. 3: Л–Н / гл. ред. Б. З. Шумяцкий. — Новосибирск : Зап.-Сиб. отд-ние ОГИЗ, 1932. — 432 с. — 804 стб.
18. Сибирь — для сибиряков [Электронный ресурс]. — URL: http://omsk.rusplt.ru/index/145_let_nazad_byli_osuzhdeny_pervye_sibirskie_separatisty7.html
19. Трехлетие ИГУ: Прил. к газете «Власть труда». — 1921. — 27 окт.
20. Шахеров В. П. Роль Иркутска в становлении международных отношений и торговли со странами Азиатско-Тихоокеанского региона в XVIII–XIX вв. / В. П. Шахеров // Известия Иркутского государственного университета Серия «Политология. Религиоведение». — 2014. — Т. 9. — С. 142–151.
21. Шахеров В. П. Становление городского самоуправления и общества / В. П. Шахеров // Иркутск в панораме веков: очерки истории города / С. М. Алексеев, В. В. Барышников, Л. М. Дамешек и др. — Иркутск : Вост.-Сиб. изд. компания, 2002. — С. 57–76.

22. Шиловский М. В. Сибирские областники в общественно–политическом движении в конце 50–60–х гг. XIX в. / М. В. Шиловский / отв. ред. Л. М. Горюшкин. — Новосибирск : Новосиб. ун-т, 1989. — 144 с.

Информация об авторе

Зуляр Юрий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Иркутский государственный университет 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, e-mail: uzulyar@yandex.ru.

Author

Yuriy A. Zulyar — Doctor habil. (History), Professor, Dean of Historical Faculty, Irkutsk State University, 1 K. Marx str., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: uzulyar@yandex.ru.

УДК 94(47).084.3/084.9

ББК Т 63.3(2)6-2

В.А. ИЛЬИНЫХ

ТРАВПОЛЬНАЯ СИСТЕМА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ

Рассматриваются попытки внедрения в Западной Сибири травопольной системы земледелия, которые предпринимались в 1920-е гг., в конце 1930-х гг. во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. Анализ проводится в контексте аграрной политики советского государства и агротехнологической ситуации в регионе.

Ключевые слова: аграрная политика, системы земледелия, травополье, агротехника, освоение целины, Западная Сибирь.

V.A. ILINYKH

GRASS ROTATION SYSTEM OF AGRICULTURE IN WESTERN SIBERIA: EXPERIENCE OF IMPLEMENTATION

The author observes some implementation attempts of grass rotation system of agriculture in Western Siberia in 1920s, at the end of 1930s, in the second half of 1940s — beginning of 1950s. The analysis was made within the context of agrarian policy of Soviet state and agrotechnological situation in the region.

Keywords: agrarian policy, systems of agriculture, grass rotation, agrotechnology, clearing, Western Siberia.

Перевалив через «Камень» русские крестьяне в качестве базовой системы земледелия избрали перелог. Выбор был обусловлен следующими особенностями региона: отсутствием помещичьего хозяйства,